

МОТИВ ЗАЧАТИЯ И РОЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ «ОТ СЪЕДЕННОГО» В БАШКИРСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ

Р. Р. Зинурова

*Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук*

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изучению мотива чудесного зачатия и рождения героя «от съеденной рыбы» в башкирских богатырских сказках. Этот мотив имеет широкое распространение в мифах, эпосах и сказках народов мира. Исторические корни мотива восходят к первобытным тотемистическим взглядам человека.

Ключевые слова: фольклор, богатырские сказки, мотив, чудесное рождение, рыба.

Abstract: the article is devoted to the study of the motive of the miraculous conception and birth of a hero “from eaten fish” in Bashkir heroic tales. This motif is widespread in myths, epics and fairy tales of the peoples of the world. The historical roots of the motif go back to the primitive totemistic views of man.

Keywords: Folklore, heroic tales, motive, miraculous birth, fish.

Богатырским сказкам башкирского народа присущи очень древние и богатые традиции. В них отражается национальный героизм, вера и образ мышления народа как в начальный период зарождения истории, так и в последующий. Древний человек вел борьбу с природой не на жизнь, а на смерть. Победа герою в сказках давалась нелегко, и стремясь к счастью, он пытался подчинить себе мир, защитить свой народ, род от иноземцев, найти своих мать, невесту, счастье, работу, богатырей себе подобных, лекарство от болезней и т.д. Все эти испытания герой преодолевает благодаря своим умственным и физическим способностям, силе...

В сюжетном составе башкирских сказок особый интерес представляет мотив чудесного зачатия и рождения главного героя. К этой теме обращались такие ученые, как М. К. Азадовский [1], В. М. Жирмунский [2], В. Я. Пропп [3], Э. В. Померанцева [4], Е. М. Мелетинский [5], М. Х. Мингажетдинов [6; 7], Н. Т. Зарипов [8; 9], А. М. Гутов [10], В. Т. Сарангов [11; 12], И. В. Трекков [13], В. Е. Добровольская [14], Т. В. Краюшкина [15], Г. Р. Хусаинова [16], М. Ф. Бухуров [17], Р. Р. Зинурова [18] и др.

Мотив чудесного зачатия и чудесного рождения детей имеет широкое распространение в мифах, эпосах и сказках народов мира. В. М. Жирмунский отметил, что возникновение этого мотива было связано с первобытными представлениями людей о “партеногенезисе” (т.е. “девственном зачатии”) [2, 163]. А. М. Гутов писал, что “ученые относят мотив партеногенеза к эпохе матриархата, когда человеческое сознание еще не было способно углядеть причин-

но-следственную связь между рождением ребенка и предшествовавшими ему действиями, и поэтому объясняло зачатие ребенка самыми разными причинами: съеденной пищей, выпитой водой, волшебным словом и т.д.” [10, с. 144]. И. В. Трекков в своей статье «Мотив чудесного рождения как отражение древнейших семейных отношений» писал, что: «Исторические корни мотива чудесного рождения, своего устному творчеству народов всех частей света, восходят к эпохе матриархата. В эту эпоху, которая характеризуется главенствующим положением женщины в семейной и общественной жизни, происхождение детей долгое время учитывалось только по женской линии...» [13, 3].

Под термином “чудесное рождение”, по мнению В. Е. Добровольской, традиционно понимаются два различных процесса. С одной стороны, это собственное зачатие, то есть рождение ребенка после совершения родителями определенных действий, с другой, под термином “чудесное зачатие” понимается и возникновение ребенка из различных реалий, создание его вылепливанием или вырубанием” [14].

Изучив множество фольклорных и этнографических материалов, В. Я. Пропп [3] выделил следующие мотивы чудесного рождения: 1) представления, связанные с живительной силой растительной природы (иногда с элементами тотемизма); 2) представления, связанные с тотемизмом; 3) мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей. Данная классификация приемлема и для башкирской богатырской сказки.

Наиболее распространенными мотивами рождения в башкирских богатырских сказках являются следующие: а) зачатие от растений, съеденного плода

[19, 75]; б) зачатие от тотема [19, 171]; в) созданные или сотворенные дети, т.е. из глины, теста [19; 44, 335]; г) рождение от части тела человека/животного (см. “Козий хвост”). Мотивы и способы чудесного рождения сказочного батыра самые различные. Во всех мотивах обнаруживаются сохранившиеся следы глубокой древности — эпохи материнского рода, когда первобытный человек не знал причинной связи между половым общением и зачатием.

В данном исследовании будет рассмотрен мотив чудесного рождения — **зачатия от съеденной рыбы**, представленный в башкирских богатырских сказках (относящихся к сюжетному типу AT 303). Этот мотив получил широкое распространение в сказочной традиции многих народов. Башкирский фольклорист Н. Т. Зарипов тоже отмечает, что характерным “для башкирских сказок”, как и для сказок других народов является зачатие от съеденной рыбы” [9, 66–69].

Во вводную часть башкирских богатырских сказок включается элемент родительского ожидания ребенка 80–90, иногда и 100-летнего старика и старухи. Они горюют, что некому оставить нажитое добро и стадо: “Озак йәшәгәндәр, ти, улар, көнкүрештәре лә хәлле генә булған, ти. Тик бына бер бөртөк тә балалары булмауы ғына эстәрен қырып торған, ти, уларзың” [20, 141] (Говорят, они прожили долгую жизнь, и что у них все было хорошо. Но, у них не было детей и поэтому сильно горевали) (Перевод автора); “Улар бик бай булғандар, тик балалары ғына юк икән. Булған байлығыбыззы кемгә калдырырбыз икән, тиен қайғырғандар” [21, 43] (Они жили богато, но у них не было детей. Поэтому они сильно переживали, что даже свое богатство некому оставить” (Перевод автора). Затем этот элемент как “сокровенное желание” вплетается в сюжетную линию сюжета. Эти страдающие от безнадежности старцы, посредством дервиша, особых сил, сноведений или других способов одариваются долгожданным ребенком.

Об этом феномене В. М. Жирмунский пишет так: “В богатырской сказке и в более позднем героическом эпосе народов Средней Азии почти универсальное распространение имеет зачин, рассказывающий о бездетных, уже состарившихся родителях, которые вымаливают у бога или какого-нибудь чудесного покровителя долгожданного наследника — будущего героя эпического повествования. В богатырских сказках тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов и др.) богатырь обычно сын бездетных старика и старухи, достигших семидесяти, восьмидесяти, иногда ста лет” [2, 164]. Не удивительно, что указанное обстоятельство не давало покоя родителям будущего героя, и они различными способами хотели поспособствовать рождению ребенка.

В башкирских богатырских сказках “Алтын сабак” (“Золотая рыбка”) “Тан-батыр” и “Камыр-батыр”, “Балык батыр” (Богатырь рыба”) отражен исследуемый нами мотив: “...Карт алтын балыкты алып

кайта ла башын алты йәшәр бейәненә, кәүзәнен етмеш йәштәрзәге қарсығына ашата, койроғон этенә ташлай. Эбей шунда ук гоманлы була, бейә колонға, эт көсөккә қала. Күп тә үтмәй, эбей ике ир бала, бейә ике колон, эт ике көсөк килтерә” [21, 63] (“... Старик принес домой золотую рыбку, голову ее отдал шестилетней кобыле, туловище — своей семидесятилетней старухе, хвост бросил собаке. Старуха сразу же забеременела, кобыла стала жеребой. Собака тоже понесла. Прошло некоторое время, и старуха родила двух сыновей, кобыла ожеребилась двумя жеребятами, собака ощенилась двумя щенками” [19, 106]; “Был қатын өс балыкты ла алып кайтып китә, бешереп ашай, ә баштарын аш бешерене бира. Шунан инде күптә үтмәй хандың қатыны өс қызы бала тапкан, ә аш бешерене йөклө булыуынга ғәрләнеп сыйып китә” [20, 57] (“Вернулась ханша домой поступила так, как советовала ей чудесная рыба — и тут же обе женщины забеременили. Ханша родила трех девочек, а стряпуха, стыдясь своей беременности, ушла куда глаза глядят”) [19, 79].

Как видно из первого примера, дети зачата от съеденной рыбы: женщина, кобыла и собака одновременно рожают близнецов, а во втором примере две разные женщины (ханша, стряпуха) рожают тройняшек. Башкирские богатырские сказки отличаются от других сказок не только по характеру мотивировки зачатия, но и количеством детей — будущих богатырей. В русских и других восточнославянских сказках их трое и непременно от разных матерей. Например, в русских “... царица поела и понесла, ее служанка тоже поела, остатки бросила собаке, а уху вылила кобыле. Через девять месяцев у царицы родился сын Иван-царевич, а у служанки родился Иван Девичий, у собаки — Иван Сучич, а кобыла принесла трех жеребят” [22, 128].

Также интересен тот момент, что попавшие в сеть рыбки сами просят, к немалому удивлению старики-рыбака, не отпускать ее, а нести домой и вскорить головой рыбы кобылу, туловищем — старуху, хвостом — собачку: “Нин мине үзәң ашама, башымды бейәңә ашат, кәүзәмде қарсығыңа ашат, койроғомдо этенә бир” [20, 97] (“Ты меня не ешь, голову отдавай кобыле, туловище — старухе, хвост скорми собаке”) [19, 106]; “...Бабай! Мине алып кайт. Итемде улдарыңа ашат, қанымды аттарыңа эсер, һөйәктәрәмде эттәреңә бир” [20, 108] (“Ты сам меня не ешь, наркми моим мясом своих сыновей, напои моей кровью своих коней, а косточки мои отдавай собакам” [19, 116]; “Старик выудил блестящую рыбу. Он пожалел ее и хотел отпустить обратно в реку. Вдруг рыба заговорила: “Эй, старик! Не отпускай меня в воду. Неси меня к себе домой и свари меня; мясо мое дай съесть своей старухе и она принесет двух сыновей”. Старик унес необыкновенную рыбу к себе домой, сварил ее и накормил мясом жену. Через некоторое время она родила двух сыновей” [Башкирские народные сказки 1941, Богатырь рыба, 71].

Аналогичный мотив встречается, например, и у восточных славян, бездетная старуха или царица по совету знахаря, колдуны или святого старика съедает золотую рыбку. Из любопытства пробует на язык или съедает ломтик рыбы также кухарка. Она обычно незамужняя. Ополощины пьет корова (кобыла, собака). Таким образом, они все трое получают зачатие и одновременно рожают трех сыновей. Примечательно и то, что мотив чуда проявляется и в особых свойствах близнецов: “Малайзарзың баштары алтын, арт һандары көмөш, ти. Қолондарзың ялдары алтын, қойректары көмөш, ти. Қөсөктәрзен, дә баштары алтындан, қойректары көмөштән, ти” [20, 98] (.. женщина рожает двух золотоголовых сыновей (зады — серебряные), кобыла — двух златоголовых и серебрянохвостых жеребят, собака — двух златоголовых щенят [19, 106]; “Мөғжизәле балыктың итен ашағас, малайзарзың баштары, алтын балык тәңкәләре кеүек, асыл таштар менән қапланған” [20, 108] (“Как поели мясо чудесной рыбки, головы мальчиков покрылись теми же разноцветными камнями, какими была покрыта сама рыбка” [19, 117]

Зачатие главного героя причем происходит как бы случайно: тексты сказок говорят о бездетности старика и старухи, при этом повествуют о том, что вместе со старухой съедают рыбу кобыла и собака. Если в вышеприведенном примере инициатором поиска средства для рождения ребенка выступает старик, то в сказке “Тан-батыр” [19, 78], наоборот — ханша. Она в отсутствии мужа жалуется реке на то, что не имеет детей; подплывает рыба и дарит ей трех рыб, чтобы съела их туловище, а головы отдала стряпухе; забеременев, ханша рожает трех дочерей, а девушка-стрипуха — трех сыновей (причем, как и в сказках других народов — вдали от глаз, в лесу, из-за того, что она замужем не была) [19, 78]. Что касается животных “детей”, то они — не что иное, как будущие помощники героя.

В башкирских богатырских сказках от рыбы не только рождаются чудеснорожденные дети, но есть такие мотивы, где она выступает в роли помощника. Например, в сказке «Золотое перо» благодарная мать-рыба за спасение ее малька от смерти помогает джигиту достать со дна моря золотое кольцо красавицы, русалки и тем самым жениться на дочери морского царя [19, 334]; в сказке «Сафар» необыкновенная щука помогла батыру найти «то, не знаю что», за которым послал его царь с целью погубить героя и жениться на его красивой жене: “... Батша Сәфәрзен был қызын амәрхе үтәүенә хайран қалып, аптырап тора. Шул ерәз Сәфәр: — Йә, батша, мин бушаныммы?, ти. Батша:

— Юқ, егет, һинең алдында үтәй торған тағы җур бер эш бар. Һиңә өс ыйыл вакыт. “Белмәйем — ниże, алып кил шуны”, — ти [23, 286] “... Удивился царь, что справился егет с таким трудным делом. — Могу ли я быть теперь свободным? — спрашивает Сафар.

— Нет! — говорит царь. — Должен ты мне еще службу сослужить. Доставь мне то, не знаю — чего. Три года срока даю” [24, 148]; в сказке “Алтындуғабатыр” говорящая рыба показывает искателям, где лежит под водой меч с душой героя: “... яр буйында ғына бер балық құрзә, ти. Балыктың құзенә қан һауған, ти. — Ни эшләп құзен қапланды?, — тип һорагайнылар, балық:

— Ошо арала ғына құземә бер қылыс қазалды, — тип әйттә, ти. Құл уртлаусы, қылыстыңың бында икәнен белеп, һыу уртлай башлай. Уртлай торғас, динғеззен қитенә генә қылысты қүреп қала” [23, 206] “... у берега рыбинә увидел. У той кровь из глаза каплет. — Отчего у тебя из глаза кровь каплет? — спрашивает. — А та отвечает: Это меч мне глаз поранил. Догадался он, что меч Алтындуги здесь искать надо, и начал воду в рот набирать. Набирал, набирал и на дне увидел меч” [24, 232–233], а в сказке “Булансы-мэрғэн” рыба помогает найти и достать со дна озера выпавшее из рук егета яйцо с душой иргаиля (демонического карлика): “... балыктың өс бөртөк тәңкәнен көйзәрә, шунда ук балық йөзөп килеп етә. Егеттең һүзен тыңлап, һыуға төшкән һомортканы күлтереп бира” [23, 115] “... сжег три рыбьи чешуйки, и тут же приплыла к нему благодарная рыба. По просьбе егета она достала утонувшее яйцо” [24, 202]. В эпосе “Урал, батыр” первая пара людей Янбирде и Янбика среди прочих животных “Держали как равных при себе... / Щуку, чтобы рыбу ловить” [25, 266].

Историческую основу представлений о чудесном зачатии женщины (кобылы, собаки) от съеденной рыбы М. Х. Мингажетдинов связывал с древним культом рыбы, т.е. с отношением к ней как тотему [6, 66]. При этом исследователь имел ввиду и сведения, приведенные в записках посла багдадского халифа Ибн-Фадлана, посетившего Башкирию в 922 году: “одна группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям...” [26, 66–67]. В пользу высказанной М. Х. Мингажетдиновым гипотезы говорят и историко-этнографические данные, приведенные в трудах Р. Г. Кузеева, в частности в комментарии к шәжэрэ башкир племени Айле упоминается башкирский род Балыксы (рожденных от рыб), который в XVI–XVII вв. входил в Таныпское объединение родов [27, 219]. Башкирский род Балыксы указан и в таблице родоплеменного состава западных башкир в составе племени Танып. Этимологию названия “Балыксы” следует понимать не в современном значении “Рыболов”, а как рожденный от рыбы”. Из той же таблицы видно, что родовые подразделения, связанные с тотемами различных рыб, были в составе и других башкирских племен. Так, в роде Мунаш (Монаш), входящем в Бурзянское племя, было родовое подразделение Ташбаш (Ерш), а в Инзер-Катайском роде Катайского племени — Табан (Карась) [28; 49, 53, 56].

Древний культ рыбы получил своеобразное отражение не только в сказках, но и в других жанрах фольклора. Например, в пословице, популярной у башкир. Пословица приписывает рыбе покровительство высшей справедливости и истине: (“Изгелек эшлә лә һыуға ташла, балык белер; балык белмәһә, Халик белер” (“Делай добро и бросай его в воду — рыба узнает, [если] рыба не узнает, Халик [бог] узнает”) [18]; в приметах, в поверьях, в суевериях, например: если во время чистки рыбы много крови — к дождю [29]; в прошлом среди башкирских рыбаков бытовало, что нельзя перешагивать через удилище,— рыба не будет ловиться: она, мол, почуяя человеческий запах, разбредется в разные стороны. Аналогичная мысль содержится и в другом рыбакском суеверии: нельзя считать количество пойманной рыбы. Она, будто бы, услышав счет, будет плохо клевать [30, 111; 32, 57]. Как отмечает, А. Ф. Илимбетова, в таких суевериях башкир рыба в первую очередь покровительница плодородия природы и женской плодовитости [31, 57]. В традиционном двенадцатилетнем животном календаре башкир год рыбы («балык йылы») считается благоприятным годом для судьбы людей. Если женщине приснится сон о рыбе — к беременности, к рождению ребенка [32, 56–60]. Башкиры верили, что если стельную корову напоить водой, в которой прополосчен ус сома — она легко отелится [33, 37], если человеку во время моления («намаз») попадет рыбья кровь, то молитва признается богоугодной [33, 139].

По-видимому, к этой примете близка по семантике примета, бытующая среди русского народа “Так, по икре щуки русские определяли, каким будет урожай”. Аналогичные представления, связанные с идеей плодородия, широко известны и по материалам обрядового фольклора разных народов. Например, у испанских евреев в Константинополе есть обычай: новобрачные после церемонии бракосочетания трижды прыгали через большое блюдо, наполненное свежей рыбой; у Трансильванских саксонцев бездетные женщины на праздник рождества ели рыбу, а кости бросали в проточную воду, надеясь таким образом произвести на свет ребенка; в древнеиндийских свадьбах жених и невеста до колен входили в воду и подолом одежды, обращенным на восток, ловили рыбу и при этом задавали вопрос брамину: “Что ты видишь?”, а тот отвечал: “Сыновей и скот”. Обычно такие рассказы завершаются сообщением об успешности подобных мероприятий. Обращает на себя внимание то, что обрядовые действия проявляют сходство со сказками, основанные на тех же представлениях. Так, в Исландии “во второй половине XVIII в. рассказывали, что некая знатная женщина, желая иметь ребенка, по совету трех женщин, явившихся ей во сне, легла у ручья и попила из него. Она устроила дело так, что в рот ей попала форель, проглотила ее, и желание ее исполнилось” [34, 56–61; 3, 88].

В общественном сознании первобытных людей тотемические представления привели к распространению на тотемных животных (в том числе и рыб) всех правил, регулирующих отношения внутри человеческого коллектива, прежде всего норм, предписывающих воздержание от каннибализма и заботу о каждом члене сообщества. Так сложилась практика тотемической табуации [31, 57]. Ее следы ясно видны в башкирском обычая не принимать в пищу определенных видов рыб. По данным Ф. Г. Хисамитдиновой, в Учалинском районе РБ (кара, табынцы) не едят угря, связывая его с духами воды [35, 124]. По материалам Р. Н. Хадыевой, прежде всего нельзя есть бесчешуйчатых рыб [36, 154]. У части башкирского населения не разрешалось употребление в пищу щуки [30, 433]. В Альшеевском районе РБ запрещали кушать рыбу беременным женщинам: в противном случае будущий ребенок начнет говорить поздно [37, 61–62].

Как видно из материала, отражение мотива рождения от съеденной рыбы во многих жанрах фольклора, в сказках, пословицах, поговорках, свадебных обрядах... свидетельствует о его древнейших корнях, связанных тотемистическими воззрениями людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский.— М.: Учпедгиз, 1958.— 482 с.
2. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский.— М., 1960.— 335 с.
3. Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Сказка. Эпос. Песня. Изд. подг. В. Ф. Шевченко / В. Я. Пропп.— М.: Лабиринт, 2007.— С. 59–98.
4. Померанцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Померанцева.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 128 с.
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. / Е. М. Мелетинский.— М.: Восточная литература, 2004.— 462 с.
6. Мингажетдинов М. Х. Мотив чудесного рождения в богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества / М. Х. Мингажетдинов.— Уфа: БашГУ, 1969.— С. 55–75.
7. Мингажетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках / М. Х. Мингажетдинов // Археология и этнография Башкирии.— Уфа, 1971. Вып. 4.— С. 301–308.
8. Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра / Н. Т. Зарипов.— Уфа: Гилем, 2008.— 240 с.
9. Зарипов Н. Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики / Н. Т. Зарипов.— Уфа, 1978.— С. 3–19.
10. Гутов А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса / А. М. Гутов.— М.: Наука, 1993.— 208 с.
11. Сарангов В. Т. Калмыцкие волшебно-героические сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Москва, 1990.— 26 с.
12. Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой бога-

- тырской сказки / В. Т. Сарангов.— Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2015.— 102 с.
13. Треков И. В. Мотив чудесного рождения как отражение древнейших семейных отношений / И. В. Треков // Фольклор народов РСФСР: межвузовский научный сборник.— Уфа, 1981.— Вып. 8.— С. 3–8.
14. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки / В. Е. Добровольская.— М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009.— 224 с.
15. Краюшкина Т. В. Мир семейных отношений в русских народных сказках / Т. В. Краюшкина.— Владивосток: Дальнаука, 2005.— 200 с.
16. Хусаинова Г. Р. К сравнительному изучению сказок башкир и сибирских тюрков / Г. Р. Хусаинова // Мир науки, культуры, культуры, образования.— 2010.— № 3 (22).— С. 28–31.
17. Бухуров М. Ф. Адыгская богатырская сказка / М. Ф. Бухуров.— Нальчик, 2015.— 160 с.
18. Зинурова Р. Р. Башкирские богатырские сказки на мотив чудесного рождения (“зачатие” от съеденной рыбы) // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы Всеросс. научн. симпозиума / БНУ РА “Научно-исследовательский институт алтайстики им. С. С. Суразакова” / Р. Р. Зинурова.— Горно-Алтайск: ОАО “Горно-Алтайская типография”, 2012.— 172 с.— С. 137–139.
19. Башкирское народное творчество. Т. 3: Богатырские сказки / Сост. Н. Т. Зарипов, вступ. ст., comment. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова.— Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988.— 446 с.
20. Йәшәгән, ти, батыршар. Башкорт халық әкиәттәре.— Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990.— 536 б.
21. Башкорт халық иҗады: Әкиәттәр. 3-сө китап / Төз. Н. Т. Зарипов, М. Х. Минһажетдинов, инеш мәк. М. Х. Минһажетдинов, ацл. авт. Лев Бараг менән М. Х. Минһажетдинов; яуаплы ред. Э. И. Харисов менән Ф. Б. Хәсәйенов.— Өфө: Башкортостан китап нәшр., 1978.— 351 б.
22. Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост. Р. П. Матвеева.— Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979.— 303 с.
23. Башкорт халық иҗады. Әкиәттәр. Беренсе китап / Төз. М. Х. Минһажетдинов, Э. И. Харисов; яуаплы ред. Н. Т. Зарипов.— Өфө: Башк. китап нәшр., 1976.— 375 б.
24. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Н. Т. Зарипов; вступ. ст., comment. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Отв. редактор тома Л. Г. Бараг.— Уфа: Башк. книжное изд-во, 1989.— 512 с.
25. Башкирский народный эпос [Текст] / [авт. ис-след. А. С. Мирбадалева; авт. comment. А. С. Мирбадалева и М. М. Сагитов; башкирские тексты подгот. М. М. Сагитов, А. И. Харисов; пер. Н. В. Кидайш-Покровской [и др.]; отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская]; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, АН СССР. Башкирский филиал. Ин-т истории, языка и литературы.— М.: Наука, 1977.— 518 с.
26. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского.— М.-Л., 1939.— 194 с.
27. Башкирские шәҗәре. Сост., перевод текстов, введение и comment. Р. Г. Кузеева.— Уфа, 1960.— 304 с.
28. Кузеев Р. Г. Очерки по исторической этнографии башкир. Ч. 1. / Р. Г. Кузеев.— Уфа, 1957.— 184 с.
29. Записано в д. Асылгужино Кигинского р-на Хакимьяновой А. М. от Хакимьянова Хайдарьяна Ахтарьяновича (1940 г.р.).
30. Нафиков Ш. В. О некоторых аналогиях к сюжетам башкирских мифов / Ш. В. Нафиков // Духовная культура народов России. Материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию д.ф.н. Ф. А. Надышиной / Ш. В. Нафиков.— Уфа: Гилем, 2011.— С. 431–435.
31. Илимбетова А. Ф. Рыба в фольклоре, поверьях и обычаях башкир / А. Ф. Илимбетова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIII международной конференции / А. Ф. Илимбетова.— Уфа, 2013.— С. 56–60.
32. Кирәй Мәргән. Башкорт халықының эпик комартқылары / Кирәй Мәргән.— Өфө, 1961.— 388 б.
33. Экспедиционные материалы, 2003: Зилаирский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Л. К. Сальманова, Г. М. Ахметшина, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина.— Уфа: РУНМЦ МО РБ, 2006.— 260 с.
34. Грысык Н. Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских / Н. Е. Грысык // Из культурного наследия народов Восточной Европы: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV / Отв. ред. Т. В. Станюкович / Н. Е. Грысык.— СПб: Наука, 1992.— С. 56–61.
35. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова.— М.: Наука, 2010.— 452 с.
36. Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира / Р. Н. Хадыева.— М.: Наука, 2005.— 244 с.
37. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов / Р. А. Султангареева.— Уфа: Гилем, 2005.— 344 с.

Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Зинурова Р. Р., младший научный сотрудник отдела фольклористики

E-mail: rafilya79@mail.ru

Order of the Badge of Honor of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Zinurova R. R., Junior Researcher, Department of Folklore Studies

E-mail: rafilya79@mail.ru